

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВ

КАТАРСИС

Сергей Федоров

Катарсис

«Издательские решения»

Федоров С. С.

Катарсис / С. С. Федоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933948-5

Я распрощался с прошлым, встречал туманное будущее и находился в довольно подвешенном настоящем. Это тот самый момент, когда ты пережил множество ярких и темных моментов, а затем перешел черту, за которой цветность теряет свои свойства. В итоге пришлось осознать самому, что есть хорошо, а что нет, наступая на каждую ошибку, словно на острое лезвие. Этот долгий путь через дебри своего существования к призрачным звездам называется Катарсис.

ISBN 978-5-44-933948-5

© Федоров С. С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1	7
2	9
3	11
4	13
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Катарсис

Сергей Сергеевич Федоров

Редактор Татьяна Михайловна Шарунова

Корректор Варвара Леонидовна Тиунова

Дизайнер обложки Егор Егорович Слепцов

© Сергей Сергеевич Федоров, 2018

© Егор Егорович Слепцов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-3948-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Идея написания повести пришла ко мне в довольно сложный период моей жизни.

Я распрощался с прошлым, встречал туманное будущее и находился в довольно подвешенном настоящем. Это тот самый момент, когда ты пережил множество ярких и темных моментов, а затем перешел черту, за которой цветность теряет свои свойства. В итоге пришлось осознать самому, что есть хорошо, а что нет, наступая на каждую ошибку, словно на острое лезвие. Этот долгий путь через дебри своего существования к призрачным звездам называется Катарсис.

1

Рано или поздно в твоей жизни наступает момент, когда начинаешь покупать презервативы чаще, спать меньше и забываешь о том, что ты смертен. Ранним осенним утром, провожая до лифта очередную спутницу, целуя ее, а уже через несколько часов забывая, как она выглядит, понимаешь, что наступает взрослая жизнь. Все на самом деле не так уж и плохо. С этого момента я и начну свой рассказ.

Очередной дождливый день, чашка кофе с утра – так начинаются мои бесконечные будни. Внутренний диалог происходит круглые сутки, и закончится только тогда, когда последние клетки моих мозговых нейронов навеки погаснут. Нас тянет к тому, у чего нет будущего, но в то же время мы слепо верим, что обстоятельства либо что-то свыше смилуются над нами и дадут шанс на простое человеческое счастье, которое мы так слепо ищем всю свою жизнь, порой даже не понимая этого.

Мой разум все время занят мыслями, порой ненужными, но иногда он выдает что-то стоящее. Когда часто ищешь ответы на свои вопросы, то осознаешь, что ответ всегда находится в тебе. С недавних пор я начал понимать: человек изначально рожден со всеми знаниями, просто для того, чтобы вновь начать их эксплуатировать, нужна небольшая практика.

Закрыв еще один гештальт в своей голове, я вышел из дома и направился в сторону автобусной остановки. Холодный ветер снова пришел в Лузервиль. Люди одевались как можно теплее, дабы спрятать свою хрупкую плоть от холода. Я шел по знакомым мне переулкам, время от времени закуривал и пытался понять, зачем я все еще тут. Несколько лет назад я покинул пределы родного северного города и переехал поближе к югу.

Не скажу, что я не любил свой родной город, он был для меня чем-то близким, но в то же время я был для него абсолютно чужим. Люди, события, ощущения – все это сплелось в моей памяти, и я хранил это все, в то же время стараясь прятать от посторонних глаз.

В один момент что-то подтолкнуло меня, и я, набравшись решимости, купил билет и уехал. Как это бывает в фильмах, где главный герой покупает билет, чтобы уехать в никуда. Конечно, в моей жизни все происходило не совсем так. В перспективе намечалось свое жилье, была у меня и женщина, которая вместе со мной покинула пределы северного города, но никто не загадывал, как распорядится нами жизнь в дальнейшем.

Новая глава моей истории наступила так быстро, что я даже не успевал вовремя осознавать все происходящее со мной. Я едва не стал отцом, мужем, зятем, но жизнь распорядилась иначе. Иногда мне кажется, что кто-то свыше уберег меня от этого тяжелого бремени, к которому я не совсем был готов. Но об этом чуть позже.

Сейчас я все такой же молодой, амбициозный и одинокий. Мне сложно быть с кем-то, но в то же время быть одному для меня еще сложнее. Я всегда искал в людях что-то близкое, но в итоге осознал, что каждый шаг навстречу им является двумя шагами назад. Сложнее всего мне было постигать этот мир. Люди в нем жили так, словно собирались остаться тут навечно, они были уверены в завтрашнем дне и строили планы на несколько десятков лет вперед.

Я же жил одним днем. Когда день был светлым и приносил что-то хорошее, я просил высшие силы остановить время, застыть в данном отрезке пространства. Пусть я буду в этот момент выглядеть глупым, но зато уверенным, что мне позволят остаться здесь.

– Выходите? – постучал мне по плечу парень за спиной.

Если бы у меня спросили, за что я мог бы убить, то я бы ответил: «Именно за это действие». Я вдохнул в себя воздуха и, тихонько выдохнув, ответил:

– Да.

Город, в котором я сейчас живу, стал для меня местом изоляции. Уехав на несколько тысяч километров от всех, кого знал, я пытался построить что-то новое. Но город не принимал

меня на своем теле, словно я являлся неудачно пересаженным органом. Я был для него в роли игрушки, он же являлся капризным ребенком. Ему было жаль меня выбросить, и в тоже время я был ему не нужен. Иногда мы находили с ним общий язык, когда он давал мне пожить спокойно, порой даже отпуская погостить в другие города, но какая-то неведомая сила возвращала меня сюда вновь. Я относился к городам, как к живому организму: они имели сердце, вены, память и даже чувства, они питались нашими эмоциями, пока мы искали в них приют. Город может стать другом, а может врагом, и мы никогда не поймем его истинного мотива.

2

Последние три месяца я пытался наладить свою личную жизнь. В плане знакомств я больше походил на толстяка Чарли из рассказа Геймана. Мое стеснение чаще брало верх над любыми возможными отношениями, но эту проблему решали социальные сети, в которых я мог хоть немного побыть более раскрепощённым, чем в жизни. За два года моего присутствия в новом для меня регионе я встретил нескольких женщин на своем пути, но в итоге они исчезли. Стараясь не искать причин этому, я все время двигался дальше, иногда описывая наши с ними отношения под вымышленными именами в своих рассказах, придумывая событиям более интересную концовку или оставляя многоточие в их продолжении. Многие истории в нашей жизни заканчиваются настолько банально, что хочется просто взять и забыть это все, мне же всегда нравилось дописывать их самому. Даже в моменты, когда мне снится нечто прекрасное, и я вдруг резко просыпаюсь, так и не досмотрев конца, потом беру тетрадь и ручку и пишу продолжение, иногда слепо веря в то, что один из моих снов оживет в реальности.

Всю свою сознательную жизнь я пишу рассказы, иногда стихи. Но рассказы мне больше по душе: для них не нужно искать красивую рифму, чтобы тебя читали, но в тоже время необходимо правильно выразить мысль, которая, так или иначе, оголит нерв читателя или найдет с ним хотя бы немного общего. Если человек чувствует то, что ты пишешь, то ты делаешь – это не зря. Все дело в ощущениях, нежели в размышлениях, и если ты прочувствовал всем нутром прочитанное, то оно останется в тебе навсегда, словно грибок, от которого тебе уже не избавиться. Если даже когда-нибудь человек разучится читать, то, открыв произведение, что однажды зацепило его душу, он сможет воспроизвести его с закрытыми глазами, проводя пальцем по страницам, словно незрячий, ощущающий каждую строчку. И это воистину прекрасно.

Мой путь в литературу начался около восьми лет назад. Вначале это был способ высказать свои эмоции, так как мне всегда было сложно доносить до людей то, что я чувствую, на словах, и я выбрал вариант мараить бумагу. Иногда это выходило даже красиво, но чаще я просто «выливал» наболевшее. Через некоторое время один друг открыл для меня социальные сети, в которых многие такие же, как и я, писали о своих размышлениях и чувствах. Меня стали замечать единомышленники, и в один момент предложили превратить мои «страдания» в рассказы. Поначалу эта идея показалась мне не очень хорошей, я не думал, что истории переживаний, имеющие логическую цепочку, вызовут у читателей интерес.

Но опасения оказались напрасными: людям была интересны мои истории, размышления, многие из которых были схожи с теми, что происходили с моими читателями. Интернет позволил мне стать кем-то большим, чем просто страдальцем. Но это был длинный и тернистый путь по лабиринтам моего далеко не изученного разума и сознания.

Спустя какое-то время я приобрел свой стиль описания событий и решил двигаться дальше. Открыл для себя пару литературных порталов и спустя семь лет выпустил первый сборник рассказов, который получил в среднем положительные отзывы. Но мне всегда хотелось чего-то большего, чем просто признание. Если бы у меня спросили, чего я хочу, я бы ответил, не думая: понимания.

Работая днем менеджером, вечером я писал обо всем, что увидел и прочувствовал за день, из чего в итоге получились короткие рассказы. Мне было легко повествовать о себе, но сложно понимать других людей. Все, что я мог, – это выдавать свои ощущения через символы, не знаю, что мною двигало – чувство одиночества или желание быть понятым.

Я часто встречал женщин, с которыми мне было интересно, но в тоже время я понимал, что они присутствуют только в определенном временном отрезке моей жизни, и рано или поздно любой роман растворится в воздухе, как табачный дым после выкуренной сигареты,

оставляя после себя лишь горькое послевкусие на губах. Каждый уход человека из моей судьбы оставлял призрачную рану, которая рано или поздно вновь воспалялась в душе под тяжестью времени или памяти.

Когда человек ощущает внутреннюю пустоту, он старается заполнить ее чем угодно, лишь бы не чувствовать наличие таковой. Так же и я всегда пытался найти людей, которыми, так или иначе, закрою щель своего пробитого сознания.

3

Я подходил к месту, где работал. Глянув на часы, понял, что у меня есть еще немного времени. Сев на скамейку, я закурил. Где-то за домами раздался звук сирены скорой. Рано или поздно эта машина опаздывает к кому-то. Быть может, оно и к лучшему. Если откинуть момент, что наша жизнь ограничена определенным временем, то ощущение вечности сможет вновь проснуться под кожей. С этой мыслью я вновь погрузился в себя.

Мое мышление – это временной портал, который имеет функцию осознавать тот или иной момент жизни и при этом делать выводы, превращая их в увековеченные цитаты в моей голове. Когда тебе шестнадцать, ты не чувствуешь страха перед темнотой и слепо веришь, что рассвет еще наступит. В восемнадцать жизнь кажется более непонятной. Когда ты испытываешь эмоции, стоя у катафалка, это сравнимо с лишением невинности. Ты так много об этом слышал, но когда испытал это, то все оказалось немного чем-то не тем, чего бы ты хотел, но пути назад уже нет. После двадцати ты принимаешь все события как должное, и тот мальчик, что раньше верил в чудеса, опускает лицо вниз, чтобы не выдать свои слезы окружающим. Он прячется в тени твоего подсознания и наблюдает за всем, словно из зрительного зала в кинотеатре, надеясь лишь на то, что рано или поздно ты вновь дашь ему шанс выйти наружу и прожить жизнь так, как ему хочется, но в итоге ты не в состоянии сделать этого.

Я столько раз пытался придумать машину времени в своей голове, переместиться в прошлое, изменить будущее, что стал теряться во временной линии своей жизни. Каждый день человек пробуждается в том или ином фрагменте бытия. В ту секунду, на которой я проснулся сегодня, понимал, что мне предстоит восьмичасовой рабочий день, в котором я должен буду показать отличный результат выполненной работы. Если бы у меня спросили, зачем, я бы пожал плечами, затем отвел бы глаза в сторону и тихо произнес: «Таков порядок вещей». И был бы прав всего наполовину. Ведь каждый из нас сам выбирает себе путь в жизни, даже если часть из нас ссылается на обстоятельства. Жизнь так устроена, что если ты не занимаешь себя чем-то, то начинаешь потихоньку сходить с ума.

Несколько дней назад я получил сообщение от своей старой подруги, которая запуталась в этой системе. Она писала о том, что устала от всего и ощущает лишь внутреннюю пустоту: «Пойми, я ничего больше не чувствую, я не получаю удовольствия от гулянок в выходные, от работы, секса, даже от себя». Я прекрасно понимал ее. Иногда мне казалось, что эмоциональной части меня не стало еще несколько лет назад, и все последние годы я обманываю себя тем, что все еще живу.

Жить и существовать – это довольно схожие понятия на практике, но в теории они очень расходятся. Сложно доказать себе, что ты живешь и в то же время существуешь, также и в обратном порядке. Жить – это для тех, у кого много свободного времени, наш же путь обусловлен лишь маленькой жизнью и большим существованием.

У меня сложилось такое ощущение, что наш коллективный разум давно утратил связь с жителями человеческого муравейника, и каждый из нас в отдельности просто потерян. Мы пытаемся заполнить внутреннюю пустоту чем-то, но в итоге попросту захламливаем свой внутренний мир. С этой мыслью я допил третью чашку кофе и принялся за отчет.

Бесконечный набор цифр и букв... Кому он только нужен? Мы создали сами эту систему, но в итоге страдаем от нее. Так хочется просто вырваться из лап этого механизма и стать чем-то отдельным! Жить там, где нет таких понятий, как план, зарплата и аванс. Уехать поближе к морю или в тайгу, забыть о том, кем ты был раньше. Вдыхать запах хвойного леса или чувствовать на губах соленый вкус моря. Наступил вечер, смена почти подходила к концу.

Я вышел на улицу подышать вечерним воздухом. Желтые листья совершали свой первый и последний полет, затем медленно ложились на асфальт. Серое небо властно возвышалось над

моей головой. Осень всегда привлекала меня своей неизбежностью. Забирая все, что создало лето, оно напоминало о том, что время скоротечно, и мы должны принимать это как должное. Я целиком ушел в свои мысли, которые вдруг оборвал входящий звонок.

Звонила Николь...

4

Прикурив сигарету, я глубоко затянулся. Изобразив уверенный голос, произнес: «Алло». Вы спросите, кто такая Николь?

Она – это я, или наоборот, я еще до конца не определился. Девушка, которая младше меня на восемь лет, напоминающая мне о том, кем я был в свои восемнадцать. Мы познакомились в интернете, как это обычно бывает в наше время. Когда я впервые увидел ее на фотографии, то почувствовал, что знал ее когда-то, хоть это и было невозможно. Но если подумать, то старина Зигмунд Фрейд был прав в том, что каждый человек, так или иначе, присутствует внутри нас еще задолго до того, как мы его встретим. Вдобавок я давно испытывал симпатию к девушкам с внешностью, как у Кары Делевинь. А её внешность была такова. Хоть это довольно банально, но, как говорится, о вкусах не спорят.

Наше общение срослось, как ни странно, очень быстро. Я рассказывал ей о своем отношении к жизни, о книгах, что были прочитаны мною, и о своем творчестве. Мое умение говорить и ее умение слушать очень сочетались. Конечно, я пустил в ход «грязный трюк» со своей якобы выходящей книгой, и это сработало. Иногда я использовал свое творчество в общении с женщинами, и это помогало, если уровень мозгового развития девушки чуть выше среднего. Хоть и бывает это очень редко, обычно девушки считают писателей жуткими занудами. Может, отчасти это и так, но с нами всегда есть о чем поговорить.

Когда мы созвонились в первый раз и я услышал нежные нотки ее голоса, то понял, что влюбляюсь. Мы жили в соседних городах, буквально в двух часах друг от друга. Через некоторое время я приехал туда в командировку, снял жилье на пару дней и договорился с ней о встрече. Но она исчезла в тот самый день. Мы так и не встретились, я даже немного расстроился. Неприятно терять человека, когда ваше общение только начинает срастаться. Через пару дней я пришел в норму, и, по порядку вещей, она вновь появилась.

– Извини, что пропала. Были срочные дела.

Я не должен был показывать свои слабые стороны и ответил, что все нормально.

– Когда у тебя ближайшая командировка?

Я сказал, что завтра. Хоть это совсем не являлось правдой.

– Я работаю до восьми, могу приехать после работы.

– Конечно.

На этом разговор был закончен.

Я положил трубку и почувствовал, как мое сердце бешено колотится между ребер. Глубоко вдохнув воздух в легкие, затем выдохнув, я посмотрел на часы и понял, что пора домой.

5

Приезжая в соседний город, я снимал одну и ту же квартиру недалеко от центра. Шестой этаж, не выше и не ниже, и квартира с номером, который так легко запомнить – 123.

Сама квартира выполнена в японском стиле – минималистическом декоративном стиле, в котором абсолютно ничто не перегружает внимание. Единственный нюанс – это большая кровать, но я не думаю, что вам нужно объяснять, зачем она тут нужна. Черная мебель, постельное белье красного цвета – немного пошлово, но для приятного, близкого общения вполне подходяще. Красный и черный всегда были приоритетными в коллекции моих любимых цветов.

Если быть честным, то в этом помещении я побывал с очень многими женщинами, и если кто-то из них спрашивал, которая она по счету тут, я, не моргнув глазом, отвечал, что первая. Женщины любят чувствовать себя особенными, не могут переносить некоторой правды. Если бы любая из них была рада быть не первой, то я был бы потрясен. Но такого со мной еще не приключалось. Ложь позволяла мне продолжать общение, переходя из кухни в спальню, и этого было вполне достаточно. Быть честным в наше время как минимум опасно. Когда-нибудь я напишу о том, что в этой квартире произошло нечто большее, чем жизнь, но это случится чуть позже.

Выложив вещи, я плюхнулся на кровать. Достав сигарету, закурил, медленно выдыхая дым в потолок. Я чувствовал себя просторно, но в тоже время немного одиноко. Я начал представлять момент, когда мы с Николь займемся любовью на этой кровати, мысленно ощущая тепло ее тела. Интересно, как она пахнет?

Запах женщины всегда был для меня одной из главных деталей: я мог ощутить по запаху, много ли у нее было мужчин, или же она только в начале своего пути. И если обоняние подсказывало мне первый вариант, то хотелось как можно скорее покинуть это тело. От визуализаций я начал чувствовать возбуждение. Выхода не было, и я отправился в душ. Несколько минут ушло на мастурбацию, и все имеющиеся мысли плавно опустились на холодный кафель.

Подойдя к зеркалу, я взглянул себе в глаза. Передо мной стоял все тот же мальчик с немного повзрослевшим лицом и потрепанным видом, на лбу появились морщины, так как я часто хмурюсь. Такова жизнь. В глазах горел все тот же огонь, но внутри что-то тихонько угасало. С каждым годом уверенности в том, что все билеты к счастью уже распроданы, становилось все больше. А иллюзии суррогатной любви становились все сильнее, словно я тело, подключенное к какому-то прибору, который в тот или иной момент погружает меня в искусственный сон, убеждая, что это реальность. И когда такое происходит со мной, я чувствую, как некий импульс проскакивает по моему телу электрическим током.

Утопая в алкогольных трипах, я так часто надеялся найти выход из матрицы. Но, как мы знаем, дверь к выходу из этого состояния сможет указать лишь хороший нарколог. Мысль об алкоголе заставила меня собраться и пойти в ближайшую пивную, купить любимое темное пиво с гранатом.

Взяв немного выпить, я вышел на аллею, прогулялся до ее конца, затем обратно. Деревья дрожали под порывами холодного осеннего ветра, и я, обняв одно из них, почувствовал легкий озноб. Фраза о том, что деревья умирают стоя, заставила меня задуматься о том, что люди слишком ленивые, чтобы принять свою участь в подобном положении. Дерево живет дольше, чем человек, но умирает часто по причине человеческой деятельности. Оно воспринимает этот мир таким, какой он есть. Человек же видит свое существование как часть бессмертия, иллюзия которого заканчивается со смертью кого-то из близких людей. В такие моменты каждый понимает, что смерть – это не то, что бывает исключительно с другими.

Позвонила Николь, предложив поужинать где-нибудь, но мне не хотелось покидать свою зону комфорта, и я предложил сделать это у меня. «Я надеюсь, ты вкусно готовишь!» – произнесла она с иронией и положила трубку.

Зону комфорта, так или иначе, пришлось покинуть и отправиться в магазин. Выбор пал на пасту с куриным филе под кисло-сладким соусом и легкий овощной салат – единственное, что я научился готовить хорошо. Пасту можно мешать с чем угодно – от грибов до креветок. В тоже время, когда ты преподносишь подобное блюдо незнакомому человеку, то создаешь впечатление почти мастера с опытом в готовке, главное – не угодить вторично на роль повара для одного и того же человека.

Самый неприятный момент – это разделявание сырого филе. К данной процедуре я всегда испытывал инстинктивное отвращение. Человек создан из плоти, он всегда кажется себе самому чем-то цельным, но, по сути, является огромным организмом из мяса и крови. Нарезая кусок чужой плоти, ты начинаешь представлять свою. И в эту секунду происходит разногласие между иллюзией твоей вечности и чем-то временным. Люди поедают животных, животные поедают людей, все мы, по сути, кормим друг друга, но в тоже время мы, люди, делаем вид, что живем чем-то высшим.

И когда твои руки режут чей-то кусок плоти, ты понимаешь, что мир не такой, каким ты его представлял. Все это преподносят в красивой обложке, приносят на витрины, а мы даже не представляем, что это мясо когда-то было чем-то сознательным, пусть даже отчасти. В такие секунды мои чувства разрываются в масштабе происходящего, и я стараюсь отвлечься на овощи, так как они не имеют никакого отношения к этому ужасу. Надеюсь, это так.

Через несколько мгновений готовка была окончена. Я присел на балконе и закурил, с кухни приятно пахло едой, и мысли о том, что сделано, растворились где-то в ночном небе. Меня начало беспокоить осознание того, что я не представляю, как себя вести с Николь. Обычно тогда, когда я веду себя естественно, это отталкивает людей. Для каждого нового человека нужен свой ключ в виде определенного образа, естественность в частых случаях отпугивает, и людям сложно воспринимать человека таким, какой он есть. Проще притвориться кем-то другим, чем быть отвергнутым по причине непринятия окружающими.

Мысленно я примерял на себя разные образы. Я мог быть философом, страдающим алкоголизмом, парнем с района, весельчаком или же нудным писателем. Во мне одновременно жило много личностей, и в частых случаях они довольно неплохо уживались между собой. Один раз между ними произошел разлад. Я поймал биполярное расстройство, и мои личности начали проявляться одновременно, между ними возник конфликт, в котором я практически стал сторонним наблюдателем. Пожалуй, это самое страшное, что может произойти с человеком. Чувствовать, как на твоём лице меняется выражение лица, словно у тебя жуткая мигрень, а изнутри ощущать, как ты делишься на части, на отдельных особей, которые пытаются загнать тебя подальше, дабы покинуть твое тело.

Я лежал на дне своего сознания в абсолютной темноте и наблюдал, как они рвут меня на составные части. Мне повезло, что я был на уровне ниже. Дождавшись абсолютной тишины, я протянул руку к свету, и меня отпустило. Больше подобных конфликтов не происходило.

Мои личности в частых случаях помогали мне выжить, хоть порой и сводили с ума. И если наступал момент, когда я был готов наложить на себя руки, они вытаскивали меня из петли, давали мне стимул жить дальше. Они все твердили мне, что рано или поздно я получу этот мир, или хотя бы возьму свое, что мне стоит только подождать. Но в момент, когда я достигал цели и мир начинал мне поддаваться, я расслаблялся, но в это время он разворачивал меня в другом направлении. Я почувствовал вибрацию телефона, звонила Николь.

6

Николь попросила меня встретить ее около подъезда. Я спускался вниз по лестнице, чувствуя, как каждая ступенька уходит из-под ног. Нервничал так, словно это было мое первое свидание, если его можно такovým назвать. Выйдя из дома, я почувствовал теплый ветер. Одинокий фонарь освещал ночную улицу. Я вдохнул как можно больше воздуха в легкие и затаил дыхание. Машина остановилась возле шлагбаума, ослепив меня фарами, а через пару мгновений я увидел нечто поярче всего этого света.

На меня смотрели глаза цвета синего льда, и я почувствовал всю их магию на себе. Темные волосы, густые брови, фигура, о которой мечтает почти каждая девушка. Легкой походкой Николь приближалась ко мне, мое сердце замерло в ожидании, а язык потерял способность шевелиться. Казалось, что если я издам хоть звук, то волшебство в тот же миг испарится.

Расстояние между мужчиной и женщиной очень маленькое, но в то же время, сделав неверный шаг, можно с легкостью провалиться в ад. Она подошла ко мне и обняла слегка, можно сказать, по-дружески, а мое сердце было готово вылететь в любую секунду. Через несколько мгновений лифт поднимал нас вверх, мы смотрели друг на друга, словно изучали. Она поняла, что нужно прервать паузу, и произнесла:

– Ты правда приготовил ужин?

В ответ я улыбнулся и положительно кивнул головой. Через несколько минут мы уже были в квартире. Я постарался разложить пищу по тарелкам как можно идеальнее, украшая пробелы овощами. Достал бутылку вина и разлил по бокалам.

Весь оставшийся вечер мы говорили о жизни и делали вид, что каждый из нас хоть что-то знает о ней. Мне было приятно вести беседу с Николь, ведь она не ставила никаких рамок: спокойно могли произнести мат, если он вносил эмоциональную окраску к какому-то сказанному предложению. Ей было немного сложно формировать свои мысли, но я старался чувствовать то, что она пытается до меня донести. Самое сексуальное в женщине – это умение размышлять.

Когда разговорный план был исчерпан, Николь предложила переместиться в комнату. Мы сидели в полумраке, смотрели друг на друга. Я протянул ей руку, и она взяла ее; я почувствовал, как тепло растекается по центру моей грудной клетки и медленно распространяется по остальным участкам тела. Я привлек ее к себе и поцеловал. Вкус теплых губ девушки с долей ванильной помады манил меня все сильнее. Я обнял Николь и прижал к себе, словно человека, которого не видел целую вечность. Я мнил себя космическим путешественником, который после нескольких лет странствий вновь вернулся на родную планету.

Ощущая, как тело Николь набирает температуру, мне захотелось снять с нее одежду. Николь сперва хотела остановить меня, но желание обоих было слишком велико. Прижавшись ближе, я почувствовал через джинсы тепло ее лона. Медленно оголяя тело Николь, я ощущал приятный запах, мне хотелось поскорее слиться с ней в одно целое. Мое нетерпение было слишком заметным, чувство вынужденного одиночества давало о себе знать, и мне хотелось отдать себя ей целиком и полностью. «Лишь бы этот раз был не последним», – пролетела мысль в моей голове. И тут же была произнесена вслух.

– Ты что-то сказал? – тихо прошептала она.

Пропустив вопрос, я продолжал ласкать ее.

Слушая прерывистое дыхание Николь, я погружался в нее. С каждым новым толчком ее стон становился все громче и громче, превращаясь в крик. Глядя ее ноги, я все глубже уходил в нее. Я немного торопился и едва держался, чтобы не кончить, а Николь, понимая это, слегка притормаживала движения моего тела. Наш секс длился довольно долго, и мне совершенно не хотелось останавливать это. Ночь, она, я – разве сейчас может быть что-то

лучше? Я расслабился, как вдруг почувствовал, что она оттолкнула меня от себя, выдохнув: «Я устала, мне надоело».

Сказать, что я был ошарашен этим, значит, ничего не сказать. Она легко вернула меня с небес на землю, затем встала и отправилась в ванную. Лежа в недоумении, я смотрел ей вслед. С одной стороны, я мог бы просто сделать вид, что все нормально, встать следом за Николь и соврать, что ничего не имею против окончания, но возбуждение никак не покидало меня даже в таком неловком положении. Чувство замешательства у меня возникло от того, что обычно так поступал я, и, видимо, карма накрыла меня с головой, дав понять, что ощущали женщины, находясь по другую сторону баррикад. В ванной был слышен шум душа.

Я встал, вышел голышом на балкон и закурил. Я находил себя в этот момент самым одиноким и несчастным, к тому же самым использованным человеком на этой планете. В такой момент понять и осознать, что я заслужил подобное, очень трудно, чувство жалости к себе не имеет границ, и с ним довольно тяжело бороться. Я вполне этого заслуживал, и не только в плане интима. Если бы за эгоизм в сексе наказывали, то я был бы отправлен на пожизненный срок – удовлетворять девушек целую вечность. Я не стал задавать вопросов, чтобы не слышать ответов.

На часах был третий час ночи, просить Николь уехать было бы немного некорректно с моей стороны, и я предложил остаться. Она попросила немного полежать с ней, я молча лег рядом, и она обняла меня. Это стало вторым поводом для моего недоумения, но я покорно возлежал рядом, пока Николь не заснула. Затем, тихонько встав, пошел на кухню. Совсем не хотелось спать, я налил чашку чая и ушел в размышления о том, почему притягиваю к себе именно себе же подобных.

Я просидел в своих мыслях до самого утра, затем Николь проснулась, пожелала мне доброго дня и, приняв душ, уехала на работу, поцеловав на прощанье. Ночь выдалась довольно странной, и когда Николь вышла за дверь, я почувствовал облегчение. Но оставаться в этой квартире мне ни капли не хотелось. Позвонив хозяйке, я сообщил о том, что уеду раньше срока, и, оставив ключи в почтовом ящике, отправился на вокзал.

Мне хотелось поскорее вернуться домой и забыть все, что со мной случилось за последние сутки. Внутри я убеждал себя в том, что я не первый и не последний человек, попавший в подобную ситуацию, и через пару недель посмеюсь над тем, что произошло этой ночью. Вечером Николь написала мне, что я скотина, и спросила, почему не соизволил поинтересоваться, как она добралась. Ее почерк был явно мне знаком: манипуляция и внедрение чувства вины – мой профиль.

Я ответил ей, как обычно отвечал сотням людей до нее: «Я не пишу первым». И через несколько минут я уже был у нее в черном списке. На душе немного отлегло, и я уснул.

7

Я отошел от всего произошедшего спустя несколько дней, по прошествии которых мир вновь стал казаться мне логичным и разумным. Взяв пару выходных, прогулялся по магазинам, прикупил себе одежды. Приобретая что-то, я заполнял свою внутреннюю пустоту, будь это книга Буковски или носовой платок. В наушниках играла «Пошлая Молли», и я приятно расслабился.

Вечером меня могла накрыть еще одна волна депрессии, и я решил занять себя чем-то. Недолго думая, позвонил знакомому риэлтору и договорился снять квартиру недалеко от работы. Мне нравилось проводить вечера «где-то». Я любил свой дом, но, оставаясь один в новом месте, находил новые идеи для рассказов или занимался самобичеванием, что практически являлось одним и тем же.

Отправившись за ключами, я брел по пустынным улицам. В моем провинциальном городе это было вполне нормальным для будничного дня. Включив фантазию, я представил себя последним человеком на земле. Будто все мои знакомые, друзья и родственники просто исчезли в один момент, словно их никогда и не было. И весь мир теперь принадлежал только мне. У меня есть все, но в тоже время у меня ничего нет.

Первые несколько дней я потратил бы на то, чтобы перенести домой из книжного магазина все книги, на которые у меня никогда не хватало денег, или вынес бы все деньги из самого крупного банка, а затем бы сделал из них огромный костер с целью показать себе самому, насколько это все тленно. Катаясь на различных машинах, не имея водительских прав, я бы врезался в витрины магазинов, а затем, прихватывая из магазинов алкоголь, я бы пичкал себя до избытка, чтобы спокойно уснуть. И, по естественному порядку вещей, спустя несколько недель покончил бы с собой, тем самым уничтожив весь мир...

На пике своих фантазий едва не споткнулся об камень, и, придя в себя, понял, что в этом мире я все еще не один. Вокруг меня все так же ходили люди, город продолжал жить своей жизнью. Несколько минут спустя я уже сидел на балконе съемной квартиры, попивая кофе и медленно выдыхая воздух вместе с табачным дымом.

Я люблю время от пребывать в одиночестве, и это уже входит в привычку. Самое страшное во всем этом – ты понимаешь, что люди тебе в принципе не нужны. Не совсем до конца, конечно. Иногда во мне появляется желание пообщаться с кем-то или даже переспать, но когда я делаю это, то понимаю, что мог и обойтись, и желание побыть одному возвращается вновь. Заводить новых друзей в новом городе мне в принципе не хотелось. Мои друзья из тех, кто выжил, находились в моей голове, другая же часть останется в вечной памяти. Живой части я звонил обычно в нетрезвом состоянии и интересовался, все ли в порядке, мертвая же часть ежедневно вела со мной внутренний диалог, иногда подсказывая мне, как поступить в той или иной ситуации.

Новые люди, которые появлялись в моих буднях, не становились для меня чем-то большим, чем просто попутчиками. Мы делали с ними общие дела или же просто общались по интересам. Иногда я пускал в свою жизнь кого-то из них ближе, чем это было возможно, но чуть позже, получая хороший плевок в душу, я понимал, что делать этого не стоило. Но каждый раз, обещая себе изменить тактику поведения, вновь наступал на те же грабли. Я называл это долгим полетом в бесконечную яму, что, впрочем, отчасти являлось правдой.

Оставшихся полдня я пролежал в ванной, думая о том, для чего мне дана эта жизнь, но так и не находил рационального ответа. Пытаясь понять смысл жизни, я все дальше уходил от него. Лишь изредка проходя рядом, мысль настигала меня, словно пуля в голове. В момент, когда идея стала слишком навязчивой, я взял телефон и мокрыми руками начал писать:

«В чем же смысл жизни? Жизнь дана нам для того, чтобы осознать себя, свою природу, слиться с планом Создателя, а после встретится с ним самим. Нам даны испытания, чтобы мы их проходили, дана ночь, чтобы мы начали ценить день. Грусть и радость, любовь и разлука – все это переплелось в нашем коротком отрезке времени. Наука учит нас вере, как и вера учит нас науке».

Философские размышления прервало сообщение от моей знакомой:

– Какие планы на вечер?

Я уже хотел ответить, что занят, как вдруг понял, что мне нужно на кого-то переключиться.

– Планов нет. Не хочешь выпить, пообщаться? – с понятным подтекстом для нас обоих написал я.

Ответ был положительный, время назначено, а я просто отбросил телефон подальше, закрыл глаза и ушел с головой под воду, чтобы немного охладить свой разум.

8

С приходом вечера в квартире становилось темно, но включать свет не было желания. Мне хотелось изучить все детали квартиры на ощупь, чтобы прочувствовать каждый угол этого места. Люди, которые строили это жилье, даже не понимали, что создают уголки, в которых будет происходить целая жизнь.

Я нащупал старый комод. Выдвинув одну из полок, достал бумагу. Глаза почти привыкли к темноте, и я смог прочитать содержимое на ней:

*Что-то сломалось внутри человека,
Треснули шестеренки,
И день был похож на еще один вечер.
Снег под ногами был очень ломким,
Волнами память его накрывало, и казалось все таким реальным,
Легкость бытия была совсем рядом,
И шепот ветра предвещал в нем начало,
Рваное небо над головой, мысленно швами его зашивая,
Лишь бы не уйти в себя с головой,
Путь свой найти между домами.*

Дочитав последнюю строчку, я почувствовал, как меня насквозь пронзила мысль: я не один переживаю внутреннюю борьбу, страдание и принятие своей жизни смертной, в которой я так часто теряю смысл. Смысл этот настолько неуловим, что мы не можем обхватить его руками, словно что-то физическое, смысл, как скользкое мыло, которое выскакивает из наших рук на мокрый пол, на котором, увы, так легко поскользнуться, упасть своим нелепым телом и долго размышлять, стоило ли оно того? Каждый раз, оказываясь на таком полу, я кричу себе, что брошу этот мир неразумный, что буду жить отшельником или же просто исчезну. Веду себя, как наивный ребенок, которому подарили сломанную им же игрушку, чтобы научить его быть ответственным за то, что он имеет, прежде чем доверять что-то большее. С годами осознаешь, что каждый из нас – тот самый ребенок, но не каждый понимает, что все еще держит в руках ту сломанную игрушку, даже если кажется, что, наконец, дали новую.

И вот я лежу на полу в крошечной тьме, пытаюсь понять, куда же все-таки держу путь и зачем все это нужно. Мысленно рисуя в голове историю этой квартиры, я провожу параллель со своей жизнью и добавляю яркие, экспрессивные окраски слов и предложений, уходя в другую реальность. Перед глазами возникает картина событий: молодая семья въезжает в эту квартиру, имея минимальное количество вещей, но изнутри светясь счастьем, которое украшает каждый микрон пространства. Юные, не тронутые еще жизнью люди, в которых с каждым днем растет надежда на светлое будущее. Она – парикмахер, он – менеджер, обычный менеджер среднего звена, тот самый, кто не может объяснить в двух словах суть своей работы, хоть это ни для кого не важно. Она видит красоту в каждом человеке, а если таковой нет, то ножницы легким движением руки создадут ее. Только что поженившись, взяв квартиру в ипотеку, они вступили во взрослую, самостоятельную жизнь, и этот опыт стал для них первым и самым ярким. Скромное питание ради экономии, ужин по вечерам при свечах и секс без света, чтобы уменьшить траты на электричество. Для них двоих это – романтика. И, конечно же, долги, которые, так или иначе, возникают, но с которыми они всеми силами пытаются справиться. Но бытовуха начинает вторгаться в их стройный мирок, и об этом можно сказать стихами:

Или вещи разбросанные стали причиной,

*Или, может, конфликт двух миров.
Недопонятым, юным, мечтающим, мнимым,
Путь, затянутый глупой игрой,
Между ванной и кухней нарастающей льдиной
Угоставливал мир бытовой.*

Затем она беременеет, семья цепляется за новое счастье, то самое, что спасает от всех невзгод: ведь скоро в их руках будет то, за что нужно бороться всеми силами, то, ради чего стоит прожить эту странную жизнь. Новая волна затмевает всю бытовую суету, и они становятся еще счастливее, чем раньше. В то же время он боится, что не выдержит такой ответственности. Девять месяцев ожидания – и у пары рождается мальчик. Счастьем нет предела, но спустя какое-то время все превращается в рутину. Дом, работа, крики ребенка.

И в одну секунду внутри каждого из них что-то ломается. То, что уже не в силах починить никто. Он выпивает в выходные, проводя свободное время у телевизора, она выпивает по праздникам, пытаясь понять, что же когда-то она в нем нашла. Затем он начинает задерживаться на работе, на самом деле идя в бар. Встречает там легкодоступную девушку, которая по природе своего легкомысленного характера не прочь развлечься. Создавая вокруг себя иллюзию молодости, но на самом деле лишь создавая фикцию, начинает уходить в нее с головой. Она знает обо всех изменах, но боится его потерять.

Пытаясь укрыться под одеялом своего мира, она начинает общаться с бывшими однокурсниками, один из которых является ее первой любовью. Вначале она медлит, создавая между ними невидимую стену, затем в этой стене появляется дверь для легкого флирта, и, находя ключ от этой двери, он приходит к ней в гости, пока муж проводит время то в дымных барах, то в объятиях других женщин.

Там же все и происходит. То ли старые чувства берут над ними вверх, то ли попытки убежать из серой действительности. Эти встречи перерастают в постоянство, и в один из вечеров он возвращается домой и «застукивает» их вместе.

Крики ребенка, ругань (пропустим сцену насилия). И вот ребенок успокаивается и тихо засыпает в своей колыбели. Они остаются наедине друг с другом в этой самой квартире, в которой стали совершенно чужими людьми. Лежа на полу, оба смотря в потолок, чувствуя лишь боль и пустоту внутри. Кто-то из них, устав от тишины, тихо произносит: «Что же мы наделали?..»

9

Звонок домофона вернул меня в прежний мир. Приехала Эн. Мы общались с ней около полугода, но виделись всего один раз. Как-то в конце лета она вытащила меня на вечернюю прогулку. Мы гуляли по вечерним улицам, пили кофе и говорили ни о чем. Находясь рядом, я пытался отвлечься от привычной будничной рутины. Я не чувствовал к ней ничего большего, чем простое желание переспать. В принципе, наши стремления совпадали, но перейти на вторую фазу нашего общения мне мешала простая человеческая лень. И вот спустя полгода это случилось.

Я пытался бежать от внутренней пустоты, от всего происходящего, и самым лучшим выходом из данной ситуации было уйти в свои пороки. Мы сделали это на полу в ванной, затем переместились в комнату, мне было безумно приятно, но в то же время перед моими глазами возникало лицо Николь, словно она наблюдала и местами даже участвовала в происходящем.

Внутри что-то резало, напоминая мне о том, что случилось пару дней назад. Я прекрасно понимал, что делаю это все, чтобы избавиться от дурных мыслей и, наконец, прийти в себя. Чтобы забыть одну женщину, всегда нужна другая. Это правило придумано не мной и далеко не моим поколением, оно работает, как точный механизм, и только в очень редких случаях выдает ошибку.

Когда все закончилось, Эн отправилась в душ, а я – на балкон, чтобы подышать свежим воздухом.

В проезжающей под окнами машине звучали слова до боли знакомой песни: «Не потерять бы в серебре ее, одну, заветную». Мой опьяненный разум сразу протрезвел, стало немного грустно и тоскливо.

Достав телефон из кармана, я почувствовал, как меня будто ударило током. Николь прислала сообщение: «Позвони мне, как прочтешь это». Мои руки затряслись, и я поймал ощущение, схожее с тем, что было перед ее приездом. Вдохнув в себя воздуха, я вернулся в комнату. Эн уже оделась и собиралась вызывать такси.

– Может, останешься? – произнес я с неуверенностью, боясь услышать положительный ответ.

Но она, покачав головой, ответила: «Нет». Словно чувствовала, что мне нужно сейчас остаться одному. Поцеловав меня на прощанье, Эн скрылась в темных коридорах подъезда. Мысленно попросив у нее прощенья, сам не зная, за что, я закрыл дверь и налил себе выпить. Осушив стакан залпом, набрал номер, затаив дыхание и ожидая услышать знакомый голос.

– Где ты сейчас? – оборвав все рамки начала разговора, произнесла Николь.

– Все там же, куда и вернулся.

– Ты можешь приехать? Я понимаю, что на часах почти три ночи, но ты мне очень нужен.

Не дав мне подумать, она добавила:

– Просто приезжай, адрес я скину тебе сообщением.

Мои полупьяные мысли путались с эмоциями, в голове творился полный бардак, но внутренний позыв уже направлял мои пальцы на кнопки телефона в поисках машины. И вот уже через несколько мгновений я договариваюсь с водителем, он забирает меня, и мы едем по ночной трассе к человеку, к которому меня вновь начинает безумно тянуть.

Вдоль дороги мелькают ночные пейзажи деревьев и полей, вдалеке видны огни поселков, а впереди еле сочится свет ночного города, словно сигнал о спасении, который для меня зажгла она. Я спрашиваю у водителя, не против ли он курения в салоне, в ответ таксист улыбается и протягивает мне зажигалку, произнося фразу, весьма типичную и в то же время близкую для каждого человека:

– Все когда-нибудь умрем, – затем добавляет: – Главное, чтоб не сегодня.

Я киваю ему в ответ, нажимаю на кнопку стеклоподъёмника и вдыхаю ночной воздух.
В наушниках звучат до боли знакомые слова Олега:

*Твоё равнодушие — моя смирительная рубашка
А под кожу, а под кожу мне запускают дельфинов стаю,
И я вроде их слушаю и улетаю,
Но мне уже не важно,
Туда, где всё не так уж важно,
Всё не так уж плохо...*

Как же мне дорог этот мир! Даже если я жалуюсь на него чуть ли не каждый день, – он прекрасен. Платонов точно описал его названием своего рассказа «Прекрасный и яростный». Все именно так. Каждый из нас – тот самый слепой машинист, мы дезориентированы, но наступит момент, когда Создатель протянет нам свои руки и разрешит самостоятельно вести тот самый паровоз до Тулумбеева, и тогда мы увидим весь свет этого бытия таким, каким не видели прежде. А пока что мы все – путники в ночной тиши своей Вселенной.

10

Огни ночного города становились все ближе. Мы были почти у цели, еще немного – и я вновь смогу увидеть ее глаза. Не знаю, чем Николь меня цепляла, но в итоге у нее отлично это получалось.

– Букет не забудь взять, романтик! – с иронией произнес водитель, словно читая мои мысли.

Вначале я смутился и попытался сделать вид, что не понимаю, о чем водитель говорит, но затем спросил у него, где можно купить цветы в такое время.

– Найдем.

При выборе цветов я, конечно, предпочитал банальные розы. Последний такой букет я дарил своей бывшей пассии в знак примирения после крупной ссоры. Помню, как нес его, словно школьник первой учительнице на линейку. Не понимаю: как у людей хватает смелости нести букеты по улице? Цветы – это что-то личное, по крайней мере, для меня. Но те или иные обстоятельства временами подталкивали меня к подобным действиям. Дарить цветы – это что-то запретное. Тихонько класть их на подушку женщины, пока она еще спит, и затем, не дожидаясь ее пробуждения, уходить на работу.

Выбрав букет красных роз, я отправился в сторону подъезда. Время было около пяти часов утра, город еще крепко спал, а я подбирал код к домофону, словно ключ к сердцу Николь. Я, равно как и она, творил историю пусть маленькой и короткой, но настоящей жизни. Мои пальцы аккуратно нажали на три кнопки, и через пару секунд раздался длинный сигнал, означающий, что код введен верно.

Медленными шагами я поднимался все выше и выше, пока не почувствовал взгляд на себе. Подняв голову, я увидел ее прекрасный образ. В полумраке он выглядел просто волшебно: тень падала на лицо и в то же время оставляла немного света, тем самым олицетворяя ее женскую сущность. С одной стороны, я видел творение Божье, нечто светлое, загадочное, милое, с другой стороны – демоническую сущность, ведь за этой загадкой таилось нечто коварное, то, что с милой улыбкой наденет на твою шею петлю и, мило улыбаясь, крепко ее затянет, не почувствовав даже капли сожаления. Внутри каждой женщины живет свой рай и ад, которые прекрасно гармонируют между собой, пока один из таких, как я, не нарушит данный баланс.

Протянув букет, я обнял Николь, словно мы не виделись долгие годы. Ее хрупкое тело оказалось во власти моих объятий. Она ответила мне тем же, и наши тела вновь сплелись воедино.

– Я хочу тебе рассказать, почему я так поступила, – произнесла она.

В ответ я лишь приложил палец к ее тонким губам и тихо произнес:

– Это неважно.

Все слова сейчас казались мне абсолютно ненужными, даже лишними. Это наше утро, и все, чего я хочу, – это встретить его с ней. Переводить язык ее жестов во что-то сознательное и растворяться в утреннем свете вместе с уходящей ночью.

Мы лежали в постели абсолютно голые, без стыда и всякой совести. Она держала мою руку так крепко, словно, если она отпустит ее, кто-то из нас провалится в тот самый ад. Стрелки на часах застыли, время остановилось. Мне так хотелось нажать на паузу и выкинуть пульт! Впервые за три года мне было так легко и спокойно, как в далеком детстве, когда ты лежишь в своей постели и понимаешь, что завтра наступит новый день. С годами ты теряешь чувство спокойствия и даже иногда понимаешь, что это «завтра» может и не наступить. Затем ищешь это же спокойствие в других людях, примеряя на себя умиротворение каждого, как спасательный круг. Каждый такой человек приносит тебе временное бессмертие и с уходом из твоей

жизни забирает часть твоей. Человек по природе своей умирает намного больше, чем один раз. Каждая трагедия и есть маленькая смерть.

– Кажется, я влюбляюсь в тебя, – тихо произнесла Николь.

Она не знала, в какую бездну вторгается, чего стоит все это. Мне хотелось ответить ей тем же, но произнести вслух что-то взаимное мне не позволил психологический барьер, да и страх, что она воспользуется этим, был слишком силен. Любовь в наше время считается как слабостью, так и роскошью, которые обычно принято скрывать, дабы не быть использованным или, что еще хуже, растоптанным.

В ответ я прижал Николь к себе с надеждой, что она поймет меня без слов. До первого луча солнца мы лежали в объятиях, говоря о фильмах, книгах и вечности, с которой рано или поздно каждый из нас сольется. Мы были счастливы до самого рассвета, пока солнце не растворило нас в будничной рутине. Мне нужно было ехать, отдать ключи хозяину квартиры. Николь пообещала приехать ко мне, но внутри я чувствовал, что она не сдержит своего слова.

11

Моя гордость сломалась на третий день тишины. Я пытался позвонить Николь, но ее телефон был недоступен. Мне хотелось услышать ее голос, и это чувство, словно нож, оставленный внутри моей грудной клетки, вызывал чувство жуткого дискомфорта.

Я вновь сорвался и начал пить, прогуливать работу. Начальство присылало мне гневные сообщения, но все это было неважно. Уйдя в себя, я не искал дорогу обратно. Одиночество – это все, что мною двигало. Мне хотелось спать с кем-то, держать чьи-то руки в своих, даже лгать самому себе, лишь бы не чувствовать одиночества. Внешний мир рассыпался, словно фигурка из песка. Музыка лилась вместе с потоком моих бесконечных мыслей и время от времени выдавала через динамики: «Впилась занозой в сердце мое стрела Купидона».

На фоне алкогольного трипа у меня началась бессонница, мысли наваливались тяжелой ношей. Лежа с закрытыми глазами в кромешной тьме, я размышлял о том, что было бы, если бы я попал в прошлое и смог изменить то, к чему меня привели последние события. Знать бы только – что, но главное – сделать первый шаг к этому. Каждый раз, когда в моей жизни происходило то или иное событие, после которого мне, мягко говоря, было неприятно, я всегда представлял, что я смог бы изменить, если бы чудом оказался в прошедшем отрезке времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.